АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЛИЧНЫЕ МОТИВЫ

ТОМ 1

Александра Маринина

Личные мотивы. Том 1

Серия «Каменская», книга 29

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=570155
Личные мотивы. Том 1: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46877-5

Аннотация

Прошлое неотрывно смотрит в будущее. Чтобы разобраться в сегодняшнем дне, надо обернуться назад. А преступление, которое расследует частный детектив Анастасия Каменская, своими корнями явно уходит в прошлое. Кто-то убил смертельно больного, беспомощного хирурга Евтеева, давно оставившего врачебную практику. Значит, была какая-та опасная тайна в прошлом этого врача, и месть настигла его на пороге смерти. Месть? Впрочем, зачастую под маской мести прячется элементарное желание что-то исправить, улучшить в своей жизни. А фигурантов этого дела обуревает множество страстных желаний: жажда власти, богатства, удовлетворения самых причудливых амбиций… Словом, та самая, столь хорошо знакомая Насте, благодатная почва для совершения рискованных и опрометчивых поступков. Но ведь где-то в прошлом таится то самое роковое событие, вызвавшее эту лавину убийств,

шантажа, предательств. Надо как можно быстрее вычислить его и остановить весь этот ужас…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 24
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Александра Маринина
Личные мотивы. Том 1

Глава 1

Сегодня воскресенье, а завтра День космонавтики. Вот так бывает: закончили работу аккурат накануне праздника, и можно ехать домой. Конечно, этот праздник – не выходной день, но все-таки… В детстве Валерий Стеценко хотел стать космонавтом и день 12 апреля любил больше всего в году, даже больше своего дня рождения, даже больше Нового года. Книжки читал про космос, физикой увлекался, спортом занимался. Да что теперь вспоминать! Ничего из этого ему потом не пригодилось. Хотя как сказать… Если бы не хорошая физическая форма, вряд ли он теперь, в свои «за полтинник», мог бы работать в бригаде строителей-ремонтников, часами стоять на стремянке с поднятыми вверх руками, выравнивая потолки и стены и украшая их разнообразным декором. Народ-то теперь пошел со вкусом к ампиру да разным изыскам, просто побелить потолок и наклеить обои – это уже мало кому интересно, хоть дешевеньким, картонным, в подмосковном цеху сляпанным, а укрась, будь любезен.

Эту квартиру в доме, стоящем в двухстах метрах от

МКАД, их бригада делала пять месяцев, измучились, пока угождали хозяевам, которые сами плохо понимали, чего хотят, и без конца требовали «сделать по-другому». Несколько дней назад поняли, что свет в конце тоннеля наконец забрезжил, работа заканчивается, и всей бригадой решили поднапрячься, сил не жалеть, со временем не считаться, но к воскресенью уже разделаться с ненавистным объектом, а заодно и с хозяевами, от которых тошнило. Так-то бригадир режим труда соблюдал, выходные рабочим давал, чаще всего в субботу и воскресенье, но порой и среди недели, смотря как дело двигалось да в зависимости от подвоза материалов, и Валерий почти каждую неделю на день-два мотался домой, в Тверь, а в эти выходные пришлось работать, но зато теперь у него впереди отдых, сон и еда. В бригаде, кроме бригадира, ни одного москвича, у всех семьи в других городах, все соскучились, хотели домой к родным, да и устали изрядно. Работали часов до двух ночи, к одиннадцати заканчивали «громкие» работы, чтобы соседи не возникали, и еще три часа возились потихоньку, спать оставались там же, на объекте, ложились на надувные матрасы прямо в одежде, без постельного белья, вскакивали в семь, быстро пили чай с бутербродами и принимались за дело. Очень уж всем хотелось поскорее закончить. Вот и закончили, слава богу, как раз к середине дня в воскресенье, и можно ехать домой.

После того как бригадир осмотрел объект и принял работу, посидели, как водится, расслабились, отпраздновали.

Уже «слегка нетрезвый», Валерий Стеценко поехал на квартиру, которую снимал вместе с товарищами по бригаде братьями Руссу, помыться, переодеться да вещи собрать. Братья тоже поехали, решили с квартиры на окраине Москвы вместе двигать в сторону вокзалов: им было по пути, молдаване Руссу несколько лет назад осели со своими семьями в Смоленске, и ехать им нужно было с Белорусского вокзала, а Стеценко после отсидки жил в Твери, и его поезда уходили с Ленинградского. Так что и до метро вместе доберутся, и на метро проедутся, сначала по радиальной ветке, потом по Кольцевой.

Нетрезвый-то он нетрезвый, но деньги считать Валерий Стеценко всегда умел, прошлое у него такое, что без аккуратного счета денег никуда, вот навык и остался, не рассосался за годы, проведенные в колонии, да за долгое время безденежья и случайных приработков. Лучше всего ехать питерским поездом в час пятьдесят три ночи, там есть сидячие места, которые стоят всего-то сто восемьдесят пять рублей, то есть практически даром можно доехать. Есть и другие ночные поезда, их полно, но не в каждом найдется не то что сидячий, а даже и плацкартный вагон, в котором место стоит уже пятьсот двадцать три рубля, то есть существенно дороже, а в купе ехать – это ж вообще разориться можно, больше 900 рублей билет. А зачем ему отдельная полка в купе или в плацкартном? Ехать-то всего ничего, он, и сидя в креслице, отлично доедет. Главное, чтобы билеты были на тот поезд,

где сидячие места есть. А уж если не будет, то придется платить за плацкарту или, того хуже, за купе, чего ему совсем не хочется. Деньги за пять месяцев работы он заработал вполне приличные, но их беречь надо, кто его знает, сколько времени придется в Твери сидеть, пока бригадир новый заказ не надыбает и не позвонит, дескать, приезжай, Валерка, работа не ждет. Может, уже через неделю раздастся звонок, Стеценко даже отоспаться и отожраться как следует не успеет, а может, и через три месяца. Так что экономить придется с самого начала. С другой стороны, как тут сэкономишь, когда дочка ждет не дождется папку, который привезет деньги и начнет покупать подарки, не говоря уж о самом необходимом? Дочку маленькую Валерий любил и баловал ее, как мог.

Но все же надо постараться лишнего не тратить. И хотя до поезда было еще очень много времени, он все равно решил ехать пораньше, вместе с братьями Руссу, хотел часам к двенадцати ночи успеть на вокзал. Лучше он подождет свой поезд, чем пропустит вообще все поезда, а на час пятьдесят три сидячих мест не останется. Можно, в конце концов, и в ноль тридцать девять уехать, и в ноль пятьдесят, и в час, и в час двадцать. Другое дело, что если уехать своим любимым поездом в час пятьдесят три, то в Твери на вокзале будет ждать Кот, Сенька Котов, который каждую неделю в ночь с воскресенья на понедельник встречает свою зазнобу, возвращающуюся из Москвы всегда именно этим поездом. Кот

на машине, и он обязательно подбросит Стеценко до дома и денег не возьмет, это уж сколько раз проверено. А если другим поездом приехать, то придется или Кота ждать, болтаться по платформе, или платить бомбиле. А как же экономия?

Братья Руссу после недавних взрывов в московском метро ездить в подземке побаивались, страх еще не прошел, но ехать-то надо, куда ж денешься, и они, чтобы не думать о страшном, всю дорогу болтали, не закрывая рта. Стеценко даже злиться начал, от выпитого в голове шумело, намешали опять водку с колой для пущего эффекта, и болтовня братьев его раздражала. Еле дождался, когда доедут до «Белорусской» и Руссу выйдут из вагона. Ему самому еще до «Комсомольской» пилить, но это недолго, всего три остановки.

– Валерка, ты, что ли?

Голос раздался прямо над ухом и, несмотря на грохот поезда, почти оглушил Валерия. Он удивленно обернулся. Мужик какой-то, одет просто, недорого, чтобы не сказать – бедновато, просторная куртка размера на два велика, это Стеценко определил на глаз, а глаз у него был наметанным еще с тех давних пор, когда он крутился в среде валютчиков и фарцовщиков и отлично разбирался в шмотках, в фирмах и размерах. И брюки у мужика какие-то мешковатые и не особо чистые. А вот рожа смутно знакомая, но откуда Валерий его знает – так сразу не вспомнить.

– Ну, я, – осторожно ответил он. – А ты что за хрен с горы?

– Неужели не узнаешь? – весело удивился мужик. – Хотя

и правда, столько лет прошло. Ну напрягись, родной, напрягись, вспомни.

И Стеценко вспомнил. Не сказать, что воспоминание было приятным, но все-таки знакомый, куда ж денешься. Даже имя вспомнил – Геннадий. А вот фамилию припомнить не мог, какая-то простая фамилия, типа Иванов или Сидоров.

– Ну, как ты? Где живешь, чем дышишь? – оживленно продолжал мужик по имени Геннадий.

Хвастаться Стеценко особо нечем, но и скрывать незачем, все равно этот Геннадий все самое плохое и неприглядное про Валерия и так знает. Скупо поведал, не вдаваясь в подробности, что живет в Твери, работает в Москве в строительно-ремонтной бригаде, зарабатывает сколько может, одним словом, на жизнь не жалуется, но могло бы быть и получше, если бы повезло.

Геннадий одобрительно хлопнул его по плечу:

– Хорошо устроился, молодца. Знаешь что, а давай пойдем куда-нибудь выпьем, отметим встречу, все-таки столько лет не виделись.

Выпить, конечно, хотелось, особенно на халяву. Но, с другой стороны, поезд же… Если не успеть на час пятьдесят три, то вообще неизвестно, когда он теперь домой попадет.

– У меня поезд, – неуверенно проблеял Стеценко.

– В котором часу?

– В час пятьдесят три последний уйдет.

– Ну, ты хватил! – рассмеялся Геннадий. – Еще только

половина двенадцатого! Да ты десять раз даже пешком успеешь, смотри, мы уже к «Проспекту Мира» подъезжаем, оттуда до Каланчевки рукой подать. Давай, пошли, дернем за встречу.

– Да куда ж я в таком виде… – засомневался Стеценко.

Вид у него был для поезда в самый раз, а вот ежели в ресторан, то никуда не годился.

– Ты что ж думаешь, я тебя в кабак приглашаю? Извини, брат, у меня таких бабок нет, я сам на пенсию живу, на нее не пожируешь. Но у меня, как говорил известный сатирик, с собой было.

Геннадий подмигнул и показал бутылку, торчащую во внутреннем кармане необъятной куртки.

– Сейчас найдем с тобой укромный уголочек, какую-нибудь детскую площадку, раздавим бутылек, и поедешь ты в свою Тверь к… Кто там у тебя? Есть кто-нибудь? Жена? Или просто баба?

У Стеценко была «просто баба», но он уже столько лет жил с ней и растил общего ребенка, дочку, что привык считать ее женой.

– Жена, – нехотя выдавил он.

– Ну и славно. Пойдем, – Геннадий потащил его к открывшимся дверям, – поднимем рюмку за ее здоровье.

«Зачем я с ним иду? – мелькнуло в голове у Валерия. – На кой черт он мне сдался? Век бы его не видеть и не вспоминать. Выпить охота, надо добавить, а то от водки с колой

хмель дурной, грязный какой-то… Может, и правда полегчает. И тратиться не надо. Какая-никакая, а экономия выходит».

Они поднялись по эскалатору и вышли на улицу. От метро Геннадий повернул влево и повел Стеценко мимо аптеки, ювелирного салона и цветочного магазина. Начался забор, и Валерий подумал: «Наверное, сюда поведет. Там, за забором, двор какой-то». Но Геннадий продолжал идти вперед.

– Далеко идти-то? – недовольно спросил Стеценко.

– Не боись, я места здешние знаю, – ухмыльнулся Геннадий. – Шагай за мной.

Валерий на всякий случай вгляделся в глубину двора за забором и понял, что там находится какой-то офис, он даже вывеску почти разглядел, вроде фонд какой-то и ресторан. И правда, здесь им делать нечего.

Началось длинное одноэтажное строение с уже закрытыми магазинчиками и забегаловками, а Геннадий все шел и шел.

– Слышь, там уже поворот виден, – робко заметил Стеценко, которому в этот момент ну просто нестерпимо захотелось выпить, то ли от тягостных воспоминаний, то ли водка с колой продолжали так действовать. Скорей бы уж дойти, налить и накатить.

– Нам туда и надо, – невозмутимо отозвался Геннадий.

Свернули в Грохольский переулок, перешли на противоположную сторону и метров через двести примерно дошли

до прохода в обсаженный деревьями дворик перед домом, на углу которого висела реклама какого-то ортопедического салона.

– Здесь, что ли? – с надеждой спросил Валерий.

– А что? Отличное место. Там в уголке беседка, видишь?

Валерий напряг зрение – освещение было только по периметру дома, а дворик с деревьями и беседка тонули в полной темноте. Беседку он с трудом, но разглядел, и ему показалось, что внутри кто-то шевелится.

– Там кто-то есть.

– Да бомжи, ясное дело, – махнул рукой Геннадий. – Они нам не помеха. Да и спят уже, как пить дать.

Они пробрались к беседке, в которой действительно устроились на ночлег парочка немытых на вид и жутко вонючих субъектов.

– Эй, мужики, – Геннадий пошевелил храпящие и сопящие тела ногой, – вставайте.

Один из бомжей проснулся и подал голос. Лица его в темноте было не видно, Стеценко даже не смог определить, старый он или не очень.

– Чего надо?

– Свалите отсюда, нам с другом посидеть надо, встречу обмыть. – Геннадий достал из куртки две бутылки пива и протянул бомжу. – Идите выпейте за наше здоровье, освободите территорию.

Стеценко поразился тому, как много нужного и полезно-

го находится в карманах этой необъятной куртки: не только бутылка водки, но и пара пива. Наверное, там и закусь какая-никакая имеется. Он повеселел. Правда, бомж вызвал у него вполне здравые опасения: на каком основании он должен освобождать законно занятую территорию каким-то пришельцам? Сейчас начнет бузить, в драку полезет… Но бомж бузить и не собирался, две бутылки пива возымели свое действие, и он принялся будить напарника:

– Вставай, Корявый, да вставай же ты, нам тут подвалило… Давай вставай, поползли за дом, ща похмелимся малек…

Второй бомж дал себя увести. Надо же, как здесь все-таки темно, удивился Валерий, вроде были только что два человека, а шаг сделали – и как растворились в пространстве, будто и не было их. Чудеса, да и только.

Сели на скамеечку по периметру беседки, Геннадий извлек из кармана бутылку и набор складных стаканчиков, который, оказывается, тоже уместился в карманах его безразмерной куртки. Налили. Стеценко выпил сразу, даже тост ждать не стал, хотя точно видел: Геннадий собрался какие-то слова произнести. Тот и вправду стаканчик поднял, уже было рот открыл, но вдруг поставил стаканчик на скамейку и нагнулся, стал что-то рассматривать.

– Ты чего? – удивился Валерий.

– Да тварь какая-то по ноге пробежала, крыса, что ли. Не видишь?

Стеценко нагнулся, щелкнул зажигалкой и, подсвечивая себе, начал разглядывать землю под скамейкой. Никакой крысы он не увидел, только пустую сигаретную пачку, с десяток окурков, несколько одноразовых стаканчиков, опорожненную бутылку и порванную обертку из-под мороженого. Больше он не видел ничего. Вообще ничего.

* * *

Выходящая на северную сторону стена была полностью стеклянной, больше никаких существенных перестроек в этом небольшом домике Ардаев не заметил. Ну, насчет стеклянной стены – это понятно, все-таки хозяин дома не кто-нибудь, а художник, и ему нужно помещение под мастерскую. Но почему он все остальное-то не переделал? Денег, что ли, не хватило? Да нет, Ардаев по своим каналам наводил справки, доходы у этого мазилы доморощенного более чем приличные, уж на переделку-то дома всяк должно хватить. Неужели жмется? С другой стороны, вон машина его стоит на участке прямо под открытым небом, никакого тебе гаража или даже простенького навеса, а ведь такая машина немалых денег стоит, уж это-то Ардаеву отлично известно. Получается, не бережет хозяин имущество. А разве так бывает, чтобы жмот – да не берег свое кровное? Если хозяин дома жмот, то это плохо, совсем плохо. Не катастрофа, но определенные трудности это обстоятельство создаст. Да ко-

гда же он наконец свалит?

Ардаев сидел в машине, припаркованной за два участка от дома художника, и ждал, когда хозяин уедет. Он предварительно навел нужные справочки и собрал кое-какую информацию, потому и знал, что домработница художника сегодня выходная, поскольку выходной ей был отведен на каждую субботу, а сам художник приглашен на прием по случаю крестин очередного ребенка очередного криминального авторитета, который задался целью выглядеть респектабельно и занять свое место в рядах светской элиты. Гости званы к трем, сейчас уже двадцать минут третьего, а художник, ни дна ему ни покрышки, все сидит дома и не уезжает. Видно, правила хорошего тона не про него писаны.

В половине третьего художник Борис Кротов показался на крыльце, и Ардаев презрительно поморщился. В джинсах, в джемпере и распахнутой куртке – это он на прием по случаю крестин в таком виде собрался? Ну дает парень! Или у него и в самом деле с деньгами проблемы? А что, вполне может быть, все заработанное угрохал на мастерскую и дорогую машину, мужик ведь – он все равно мальчишка до самой старости, ему игрушки нужны, а на приличную одежду уже не хватило. Если так, то дело совсем плохо. Нищий художник Ардаеву не нужен.

Выждав еще минут десять после отъезда хозяина, Ардаев запер свою машину и неторопливо двинулся к пустому дому. Запас отмычек у него был солидный, он готовился к се-

рьезной кропотливой работе и даже был слегка разочарован тем, какой простой замок оказался в дверях. Войдя, он аккуратно прикрыл за собой входную дверь и отправился осматривать помещение. То, что он ищет, скорее всего, имеет совсем маленький размер, не может оно быть большим ни по каким соображениям. И если оно здесь есть, то надо быстро определиться, где в первую очередь искать. И искать надо так, чтобы никому и в голову не пришло, что здесь был посторонний. Времени у него достаточно, так что можно не торопиться. Да и площадь поиска не сказать чтоб уж очень большая: кухня, гостиная и мастерская – на первом этаже, спальня и просторный санузел – на втором. Правда, Ардаев еще заметил лестницу, ведущую на чердак, это тоже место перспективное. Но, с другой стороны, как сказать: если художник знает ценность искомого, то оно должно находиться только в спальне, не в мастерской же это хранить и не в гостиной, где постоянно толкутся посторонние. А если он ценности этого не представляет, то оно, вероятнее всего, валяется именно на чердаке в куче старого хлама. Вообще судьба этого полностью неопределенная: могли хранить как зеницу ока, а могли и выбросить много лет назад как предмет, не имеющий никакой практической ценности. А если с третьей стороны посмотреть, то непонятно, зачем хранить это как зеницу ока и не пользоваться? Можно было бы хорошие бабки срубить, если с умом распорядиться. Значит, скорее всего, значение этого не оценено, и оно спокойно валяется

в груде старых ненужных предметов или в крайнем случае лежит в спальне как памятный сувенир.

Он решил начать со спальни художника. Ничего особенного, все очень просто и функционально: широкая кровать, прикроватная тумбочка, на которой лежат книги стопкой, из каждой торчит закладка, словно хозяин читает несколько книг одновременно. А может, дочитывает до середины, бросает, ленится поставить на место и начинает новую, так тоже случается. Книжные полки, кресло, комод с нижним бельем и носками, платяной шкаф. На стене две фотографии в рамках: на одной молодая, очень красивая женщина, которую Ардаев, разумеется, сразу же узнал, на второй – эта же женщина с мальчиком лет трех-четырех, в котором с большим трудом можно было бы распознать нынешнего хозяина этого дома. Во всяком случае, Ардаев ни за что не узнал бы его, если бы не знал совершенно точно: это он и никто другой.

Он не устоял перед искушением и открыл дверцы платяного шкафа – Ардаев питал непреодолимую слабость к дорогой стильной одежде и вообще к вещам, которые принято нынче называть статусными. Однако содержимое шкафа его разочаровало: в нем на нескольких плечиках висели джемпера, сорочки и джинсы, костюма же не было вовсе. Ни одного. А ведь Ардаев был уверен, что их там как минимум пять… На полках лежали постиранные и выглаженные футболки. Все очень обыкновенно, никакой статусности. Ардаев присмотрелся и понял, что в одежде художника царит пол-

ный разнобой, дешевые, купленные в первом попавшемся магазине или на вещевом рынке вещи соседствуют с джемперами «Миссони», майками «Версаче» и джинсами «Прада». На нижней полке шкафа стояла обувь, являвшая собой столь же эклектичное собрание дешевых и неимоверно дорогих, брендовых, экземпляров.

Где в этой комнате можно хранить памятный сувенир? Не в ящиках же с майками и трусами! Только либо в прикроватной тумбочке, либо на крышке комода, либо среди книг. А если это хранится как невероятная ценность, то, скорее всего, либо в ящике комода, либо как раз таки в глубине полок, под теми самыми футболками и джемперами или под стопками постельного белья. Опыт у Ардаева был большой, в проведении таких вот негласных обысков он в свое время поднаторел изрядно, посему поиск много времени не занял, хотя проводился тщательно и аккуратно. Ничего. Единственное, что ему удалось найти, – это свидетельство о смерти матери художника и документы на захоронение. Если бы он хранил искомую вещь как памятный сувенир, то она лежала бы здесь же. Но ее здесь не было.

Ардаев покинул спальню и по узкой, не вызывающей доверия лестнице полез на чердак, мысленно чертыхаясь по поводу грязи и пыли, от которых непременно пострадают его дорогие брюки и фирменная обувь. Однако вопреки ожиданиям на чердаке царили идеальные порядок и чистота, это на самом деле была просто еще одна комната, весьма похожая

на гостевую спальню, раскладной диван, тумбочка, столик, кресло, светильники и даже электрические розетки на стенах. Однако один предмет мебели все-таки привлек внимание Ардаева – тот самый раскладной диван, во внутренний ящик которого так удобно складывать либо постельное белье, либо старые ненужные вещи. Он поднял сиденье и с удовлетворением убедился, что не ошибся: диван действительно служил хранилищем старых вещей. Здесь лежали книги, ржавые гантели, альбомы с карандашными набросками, две стеклянные вазы с уродливыми рисунками, какие-то папки. Именно папки в первую очередь заинтересовали Ардаева. Он жадно кинулся развязывать тесемки и просматривать их содержимое, но того, что искал, все равно не нашел. Да, здесь были поздравительные открытки, которые когда-то присылали или дарили матери художника по случаю дня рождения, 8 Марта или Нового года, здесь даже была старая записная книжка художника Кротова… Но это все не то, не то! Ардаев на всякий случай внимательно пролистал записную книжку и еще раз убедился: нет, не то. Это не оно.

Вздохнув, он спустился на первый этаж и решил на всякий случай осмотреть гостиную и мастерскую. Кто их знает, этих художников, творческие люди – они ведь все со странностями, может быть, та вещь, которая так нужна Ардаеву, хранится как раз там, где постоянно бывают посторонние. Нет, в гостиной не оказалось ни одного места, подходящего для хранения такой вещи, как бы ее ни рассматривать – как ве-

личайшую ценность или просто как памятный сувенир. Зато его взгляд сразу зацепился за небрежно брошенный на кресло пиджак от «Кензо», на котором с полным осознанием своего права валялась огромная рыжая пушистая кошка. В первый момент Ардаев буквально помертвел от такого кощунства, потом почувствовал, как в нем поднимается и начинает клокотать ярость: это до какой же степени пренебрежительно надо относиться к деньгам, чтобы купить невероятно дорогой пиджак, бросать его в кресло и позволять кошке на нем спать! Судя по обилию шерстинок на всей поверхности пиджака, валялся он в этом кресле не первый день и кошка его уже основательно обжила. И как это вообще возможно при наличии домработницы? Куда она смотрит? Она что, совсем мышей не давит? За что же этот художник платит ей деньги?! Платить за такую работу – все равно что выбрасывать деньги на ветер. Безобразие!

А вот высокого стола, за которым удобно было бы кушать, в гостиной нет, только огромных размеров низкий стол, заваленный небрежно брошенными газетами и журналами. Где же он питается, художник этот? Неужели на кухне, как принято было в советские времена? Фи, неистребимое плебейство!

Ардаев зашел в мастерскую, но здесь уж совсем негде было хранить то, что он искал. Зато его взгляд, настроенный, как локатор, на дорогие вещи, сразу выхватил из кучи тряпок для протирки кистей золотую зажигалку, а также телефон

«Верту», небрежно валяющийся на продавленном диванчике, задрапированном золотистой переливающейся тканью и явно предназначенном для того, чтобы усаживать на него модель. Только модель здесь, похоже, давно не сидела: рядом с телефоном Ардаев увидел коробку с елочными украшениями, полупустую упаковку сдобного печенья и бутафорский револьвер, какой можно было увидеть только в американских вестернах. Что же получается, художник уехал из дома без телефона? Это вряд ли. Стало быть, у него есть еще один, вряд ли дороже «Верту», в это верится с трудом, значит, дешевле и хуже, и именно его художник взял с собой. Что же должно быть в голове у этого недоноска, если он отдает пиджак «Кензо» кошке для использования в качестве подстилки, швыряет золотую зажигалку в кучу испачканных краской тряпок и пользуется дешевым телефоном, вместо того чтобы носить с собой дорогой? От ярости у Ардаева в глазах потемнело. Он, Ардаев, так и не смог подобраться к «Верту», хотя долго примеривался и облизывался, а этот… этот… даже слов нет, чтобы его назвать как-нибудь адекватно!

Он зажмурился, постарался расслабить спину и сделал несколько глубоких вдохов, дыша через сомкнутые связки и издавая горловое урчание. Это всегда помогало успокоиться и перестать злиться. Помогло и на этот раз.

Из дома художника Ардаев выходил с твердым убеждением, что денег у того – куры не клюют, счета им он не знает и расстается с ними легко. Что ж, тем лучше. У сегодняшнего

мероприятия было две цели: найти искомое и постараться понять характер хозяина дома. С первой целью – облом, зато вторая достигнута в полном объеме и с весьма удовлетворительным результатом.

Осталось только привести замок входной двери в первоначальное состояние, чтобы никто не заподозрил, что в дом проникал чужой. Но с этой задачей Ардаев справился легко. Все-таки замок в доме художника был на редкость примитивным. Единственное, что заметит хозяин, так это то, что ключ будет проворачиваться с некоторым трудом, словно замок заедает. Но из ста человек девяносто девять не обращают на это внимания.

Глава 2

«Мне-ник-то-не-по-мо-жет-ни-ко-му-нет-де-ла», – звучало в голове в такт стуку колес. По темноте вагонного купе проскальзывал свет фонарей, обжигая полуприкрытые глаза, и каждый раз Валентина досадливо морщилась. Сперва она пыталась уснуть, лежа головой к окну, в таком положении свет беспокоил меньше, но из окна сильно тянуло холодом, а простужаться не хотелось, не домой все-таки едет, а по делу, в Москву, да еще неизвестно, на какой срок. Перелегла головой к двери, согрелась, но свет мешает, не дает заснуть. Или это мысли мешают? Или обида? Ненависть? Злость? Разобраться в этой мешанине Валентине было не под силу, да она особо и не старалась, просто знала: есть цель, есть дело, которое обязательно надо сделать. Надо найти того, кто убил ее отца. И плевать на следователя, который вот уже три месяца втолковывает ей, что у дела нет никаких перспектив, что отца убил какой-то залетный грабитель, и если бы он успел хоть что-нибудь взять из дома, хоть что-то украсть, то был бы шанс поймать его при попытке сбыта краденого, а коль он ничего не взял – видно, кто-то спугнул, или сам испугался, убив беспомощного больного старика, – то и брать его не на чем. Как найти такого в огромной стране? Поискали-поискали – да и бросили эту затею. Следователь по фамилии Неделько Валентине раз сто, не меньше, повторил:

– Поверьте моему опыту, если такое преступление не раскрывается по горячим следам, оно не будет раскрыто никогда.

Плевать на опыт, плевать на следователя Неделько, не может так быть, чтобы человека убили и никто не понес наказания. Она, Валентина, не может этого допустить. А Евгений, брат родной, со следователем как будто заодно, дескать, никто убийцу искать не станет, потому что отец так и так со дня на день умер бы. Рак в последней стадии, и врачи как раз накануне того страшного дня сказали определенно: речь идет о днях, а возможно, и о часах.

Валентина поняла, что в родном городе правды ей не добиться, и решила ехать в Москву. Там высокое начальство сидит, пусть оно следователю прикажет работать по делу, пока преступника не поймают. Брат Евгений долго ее отговаривал, потом вздохнул обреченно, полез в шкаф, достал толстый конверт с деньгами.

– Не дело ты затеваешь, Валюха. Толку не будет. Если посерьезному заниматься тем, чтобы найти того, кто папу убил, то надо частных детективов нанимать. Государственные сыщики ради нас с тобой задницу рвать не станут. Умирающий от рака старый врач для них не фигура, вот если бы политик или журналист – тогда другое дело, а так… – Он махнул рукой и бросил конверт на стол перед сестрой. – Возьми, пригодятся. Я с тобой не поеду, у меня бизнес, дел невпроворот, а на майские праздники мы летим в Эмираты. Ни к какому

начальству не ходи, только время зря потратишь, заодно и унижений нахлебаешься.

– А к кому же? – растерянно спросила Валентина.

– Я тебе дам телефон моего приятеля, позвонишь ему, когда приедешь. Я с ним созвонюсь, попрошу, чтобы нашел какое-нибудь детективное агентство поприличнее. И смотри там с деньгами поаккуратнее, ворья кругом – тьма.

У Валентины и свои сбережения были, так что вместе с деньгами Евгения сумма вышла солидная, должно было хватить на все. Собралась она быстро, оставила соседке ключи от квартиры, попросила поливать цветы и села в поезд. Но если в первые часы путешествия она была полна решимости и каких-то смутных надежд, вселявших уверенность в том, что уж теперь-то дело будет доведено до конца и убийцу удастся найти и покарать должным образом, то чем ближе к Москве, тем больше одолевали Валентину тоска и безысходность. Ну кому там, в столице, есть дело до безродной провинциалки? Кто захочет ее выслушать? Кто станет ей помогать? Скажут то же самое, что и следователь говорил: какая разница, днем раньше умер ваш отец или днем позже? Он все равно умирал, и умирал мучительно, ему каждый день кололи наркотики, потому что он уже не мог терпеть боль.

Прорезающий темноту свет все бил и бил по глазам, и сна все не было и не было. Валентина тихонько, стараясь не разбудить спящих соседей по купе, слезла с полки, накинула куртку, вытащила из-под подушки сумочку, достала сига-

реты и пошла в нерабочий тамбур. Весь вагон спит… Нет, смотри-ка, не весь, в одном из купе дверь открыта, пятно света падает на слабо освещенный коридор. Проходя мимо, Валентина не удержалась и скосила любопытый глаз: всего одна пассажирка, женщина лет сорока, в черном спортивном костюме, сидит с ноутбуком на коленях, столик и обе нижние полки завалены бумагами. Чего она дверь-то не закроет? Вот же повезло бабе, одна в купе едет, сама себе хозяйка. Поезд битком набит, Валентина это знает точно, потому что с трудом купила билет, а оказывается, полно свободных мест. Наверняка билетные спекулянты постарались.

В тамбуре противно пахло застарелыми окурками и было холодно, пришлось застегнуть куртку на «молнию». Едва Валентина успела прикурить и сделать пару затяжек, как дверь открылась и появилась та самая женщина из пустого купе. Темно-рыжие волосы, стильная стрижка, черный костюм с ярко-розовой отделкой тесно облегает красивую фигуру с тонкой талией и широкими бедрами, а вот лицо усталое, даже замученное какое-то, и белки глаз покраснели. Да и немудрено, если она все время работает на компьютере, даже в поезде расстаться с ним не может.

– Не спится? – приветливо улыбнулась незнакомка.

Валентина настороженно кивнула, не зная, что ответить. Но отвечать надо было, а то невежливо получится.

– Вам тоже? – ответила она вопросом на вопрос, радуясь, что так ловко вышла из положения.

– Да нет, – женщина рассмеялась легко и как-то рассыпчато, – мне-то как раз очень даже спится. Только нельзя засыпать, уже четыре утра, через два часа прибываем, через час начнут будить, чтобы все успели умыться, пока в санитарную зону не въехали. Если сейчас уснуть, то через час я проснусь с чугунной головой и целый день буду как чумная, а мне надо быть в форме. Лучше уж совсем не ложиться. А спать хочется – как из пушки! Вот вышла покурить с вами за компанию, поболтать, чтобы сон разогнать.

Надо же, какое забавное выражение: хотеть спать «как из пушки». Валентина сроду такого не слыхала. Как это – из пушки? Стремительно и напористо? С такой же неотвратимостью и убойной силой, с какой движется выпущенное из пушки ядро? Или как?

– Вы видели, как я проходила? – удивилась она. – Я думала, вы меня не заметили.

– Еще как заметила. Вы не против? Может, вы хотели побыть одна?

– Нет-нет, – торопливо заговорила Валентина, – я не хотела… То есть я хочу сказать, что я с удовольствием… А вы в командировку едете?

– Из командировки. Шеф надумал покупать очередной свечной заводик, вот и отправил меня на два дня проверить, как там и что, бухгалтерию их посмотреть, ну и все такое, а сегодня у него уже переговоры по поводу этой покупки, и я должна успеть привести все бумаги в порядок и доложить

ему свои соображения. Времени, конечно, в обрез, понятно, что я не успеваю, поэтому пришлось покупать четыре билета, целое купе, чтобы спокойно поработать в поезде. Как всегда, все в последний момент и в авральном порядке. Никогда не понимала, почему мужики вечно затягивают до последнего, ничего не умеют делать заранее. – Она сладко зевнула и потрясла головой. – Господи, как же спать хочется! Полцарства за восемь часов сна. Меня зовут Еленой. А вас?

– Валентина. А зачем вашему шефу свечной заводик?

– Фигура речи. – Елена улыбнулась, загасила в висящей на стене пепельнице окурок и тут же вытащила из пачки новую сигарету. – На самом деле речь идет о заводе лекарственных препаратов. Наша специализация – пищевые добавки и прочие прибамбасы для здорового образа жизни. Наш шеф начинал когда-то с распространения заграничных пилюлек, а теперь вырос, стал большим мальчиком и убежденным патриотом, он считает, что импорт лекарств – позор для страны. Ну да ладно, это неинтересно. А вы в Москву едете или возвращаетесь?

– Еду.

– В командировку? Или по личному делу?

Валентина набрала в грудь побольше воздуха, на глаза снова навернулись слезы, в горле спазм.

– По личному, – пробормотала она и внезапно выпалила: – Моего отца убили. И никому дела нет. Все говорят, что преступление раскрыть невозможно, а папа все равно умирал, у

него был рак…

Она все-таки не справилась с собой, и слезы хлынули из глаз, стекая по щекам на шею.

Елена внимательно посмотрела на нее и осторожно тронула за плечо.

– Пойдемте-ка в купе, сядем, выпьем чаю, у меня целый термос горячего чая. И вы мне все расскажете.

Чашка у Елены была всего одна, и она, как гостеприимная хозяйка, уступила ее Валентине, а сама пила чай из хромированной крышечки термоса. Валентина и сама не могла бы объяснить, чего это ее вдруг прорвало на разговоры с незнакомым человеком, то ли знаменитый «эффект попутчика» сказался, то ли ей за последние несколько часов удалось убедить себя в том, что никому нет дела до ее горя, и она без оглядки кинулась навстречу первому же собеседнику, проявившему к ней участие, как изголодавшийся бездомный пес безропотно идет за тем, кто его покормит, то ли просто уцепилась за возможность скоротать остаток и без того бессонной ночи. Она рассказывала подробно и по порядку: о том, как отец болел, как слабел, как мучился болями, о том, что его не брали ни в одну больницу, потому что помочь все равно нельзя, о бестолковой молоденькой медсестричке-сиделке, которая должна была днем, пока Валентина на работе, ухаживать за отцом, делать уколы и ставить капельницы, и о том, как эта сиделка оставила отца одного «всего на полчасика» и убежала на свидание, а когда вернулась… Отец был

добрым человеком и никогда не жаловался детям на эту дурочку, а потом, уже когда следователь начал ее допрашивать, выяснилось, что она частенько оставляла свой пост и убегала то в магазин, то в ближайшее кафе на встречу с подружкой за чашечкой кофе, то еще куда-нибудь. Правда, справедливости ради надо сказать, что всегда ненадолго, но разве это имеет значение? Преступнику и этого «ненадолго» вполне хватило, чтобы взломать замок, войти в квартиру и задушить беспомощного больного старика.

Теперь в Москве ей нужно найти частного детектива, который занялся бы ее делом. И еще надо найти жилье какое-нибудь недорогое, потому что если нанять сыщика и уехать домой, то опять никто ничего делать не будет, нужно обязательно стоять над душой и беспрестанно теребить, требовать отчета. Понятно, конечно, что искать этого преступника-гастролера вряд ли будут в Москве, наверное, по всей стране начнут ездить, а может, и в Москве найдут, но в любом случае начальство-то этих детективов здесь, стало быть, и ее место будет здесь, рядом. Будет с кого спросить, в чьи глаза посмотреть и у кого узнать, что делается по ее заказу. Нет, деньги у нее есть, вполне достаточно, и свои сбережения немалые, и брат Евгений дал большую сумму, но ведь неизвестно, сколько времени понадобится на расследование и сколько это будет стоить, поэтому придется с самого начала проявлять экономность и лишнего не тратить.

Поезд неторопливо врезался в полусонный туман пасмур-

ной утренней Москвы, до прибытия оставалось минут пятнадцать, а Валентина все говорила, говорила, никак не могла остановиться. Елена оказалась хорошим слушателем, благодарным, она все время задавала уточняющие вопросы и бросала то удивленные, то негодующие, то сочувственные реплики и всем своим видом показывала, что искренне и глубоко сопереживает своей случайной попутчице.

– Знаешь, я, наверное, смогу помочь тебе с жильем, – сказала Елена, когда Валентина наконец спохватилась, что уже почти приехали и надо пойти в свое купе переодеться. – Мы вот как сделаем: сейчас поедем ко мне, помоемся, позавтракаем, а часиков в восемь, когда уже прилично звонить по телефону, я попробую решить твою проблему. Тебе ведь не обязательно жить в центре Москвы, правда? Можешь пожить за городом?

– Конечно. Да в центре, наверное, и дорого ужасно. Ты предлагаешь мне свою дачу?

– Нет, – засмеялась Елена, – дача у меня в таком месте, что без машины там делать нечего. Далеко и полная глухомань, даже хлеба купить негде. Я знаю одну тетку, она работает садовником у моего шефа, вот к ней можно попробовать тебя пристроить. Тетка замечательная, я ее просто обожаю, и живет одна, а дом у нее большой. На электричке добираться удобно, от платформы до ее дома минут десять пешком, там большой поселок, вся инфраструктура есть. И возьмет она недорого, я точно знаю, она жильцов пускает, я к ней пару

раз своих знакомых пристраивала. Главное, чтобы сейчас у нее жильцов не было.

– А если у нее занято? – тревожно спросила Валентина.

– Тогда я попрошу ее кого-нибудь посоветовать, она же в этом поселке всю жизнь живет, всех соседей знает. Ну, договорились?

– Спасибо тебе. – Валентина благодарно улыбнулась и помчалась в свое купе, чтобы за оставшиеся до прибытия несколько жалких минуточек сменить дорожную одежку на приличный костюм.

Однако, вытащив из-под полки чемодан, она вдруг передумала. Зачем переодеваться? Джинсы, джемпер, куртка – вполне нормально. Тем более ей прямо с вокзала не на деловую встречу идти, а ехать к Елене домой. Какая разница, во что она одета? Она наспех причесалась, переобулась, сунула косметичку и пакет с тапочками в чемодан и решительно задернула «молнию» на крышке.

Валентина почему-то думала, что домой к Елене они поедут на метро, но на привокзальной площади обнаружился черный «Мерседес» с водителем, здоровенным бритоголовым детиной, который кинулся к ним, как к родным, подхватил Валентинин чемодан и небольшую дорожную сумку Елены и в мгновение ока затолкал в багажник. Наверное, фирма, в которой работает Елена, действительно солидная, раз водителя с машиной присылают в такую рань.

– Мы так рано едем, – Валентина и сама не заметила,

что говорит почему-то шепотом, – твои домашние, наверное, еще спят. Может, ты зря меня к себе везешь? От меня только одно беспокойство.

– Ничего, – усмехнулась Елена, – встанут, не переломятся. Кто рано встает, тому бог подает. Муж уехал на три дня на рыбалку, а мальчишкам полезно встать пораньше. Но я думаю, они все равно не встанут. Знаешь, как крепко пацаны спят? Их даже землетрясение не разбудит.

– Муж на рыбалке? – изумленно повторила Валентина, не веря своим ушам. – Так у тебя что, дети одни дома остались? Как же ты уехала?

– Ой, Валя, ну что ты, ей-богу! Моему старшему сыну девятнадцать лет, он уже на втором курсе. Средний школу заканчивает в этом году, а младший в седьмом классе. Они прекрасно без меня управляются. Вполне взрослые и самостоятельные ребята.

– Все равно, – Валентина покачала головой, – я бы не рискнула. Какие они взрослые? По-моему, они еще совсем дети. Девятнадцать лет – ну что это за возраст? Одни глупости на уме. Разве он сможет за младших отвечать? Отчаянная ты, Лена.

Елена усмехнулась, помолчала немного.

– И ты бы стала отчаянной, если бы тебе платили столько, сколько мне, – сказала она после паузы. – Я не могу потерять эту работу, поэтому я не имею права отказываться от командировок. У меня муж – государственный служащий, получа-

ет сама понимаешь сколько, трое сыновей, мои родители и родители мужа, все четверо – пенсионеры. И все они существуют на одну мою зарплату.

– А муж? Он же мог не ехать на рыбалку, раз у тебя срочная командировка.

– Мог. Но я ни за что с этим не согласилась бы.

– Почему? – не поняла Валентина.

– Не хочу, чтобы у моего мужа появилось ощущение, что ему приходится чем-то жертвовать во имя моей большой зарплаты.

Елена тоже говорила тихо, совсем тихо, и Валентина вдруг подумала, что их разговор, наверное, слышит водитель, и смутилась. Ну что она, в самом деле, затеяла такие беседы в совсем неподходящем месте! Елена – человек воспитанный, не стала ее осекать и уклоняться от ответов, а сама, наверное, клянет новую знакомую последними словами и уже жалеет, что пригласила к себе и вызвалась помочь.

Валентина умолкла и принялась разглядывать через окно московские улицы. Вообще-то она неплохо знала столицу, бывала здесь, еще будучи студенткой, да и потом часто приезжала, только вот последние два года, когда отец заболел, сидела в своем городе безвыездно, даже отпуск не брала, как знала, что пригодится. Вот и пригодился, теперь в ее распоряжении два месяца за прошлые годы и месяц за год текущий, всего три. За три-то месяца хоть какая-то ясность наступит. Начальство, конечно, не было в восторге, когда она

подала заявление, но деваться некуда, пока отец болел, все ей сочувствовали и повторяли, что, как только возникнет нужда, она может рассчитывать на все неотгулянные отпускные месяцы хоть подряд, хоть вразбивку.

За два года Москва мало изменилась, во всяком случае, так Валентине показалось, но все-таки стала чуть-чуть другой. Она узнавала места, по которым сейчас проезжала, и вспоминала, что вот здесь все было перекопано и перегорожено и возникали постоянные заторы, а теперь дорога гладкая, широкая, вот в этом магазине она в прошлый раз купила прелестные туфельки, а вот в этом доме был книжный магазин, которого теперь почему-то нет, вместо него – ресторан. Каждый раз, когда глаза выхватывали что-то незнакомое, Валентина начинала нервничать, и снова возвращалось неприятное ощущение пугающе чужого пространства, наполненного чужими людьми, для которых и она сама – чужая, и никому не будет до нее никакого дела, и никто не захочет ей помочь, более того, ее даже выслушать не захотят.

Доехали неожиданно быстро, ранним утром дороги были еще свободными, да и жила Елена, как оказалось, вовсе не на окраине города. Бандитоподобный водитель донес багаж до дверей квартиры и исчез, получив указание подать машину в половине девятого. Опасения Валентины нарушить покой спящих домочадцев были развеяны в первые же секунды: едва Елена открыла дверь, на женщин обрушился шквал самых разнообразных звуков, эдакая мешанина из громкой

музыки, душераздирающего гудения пылесоса, льющейся из кранов воды и мальчишеских голосов. Елена на мгновение вслушалась в эту какофонию и усмехнулась:

– Все понятно. Ребята за три дня превратили квартиру в хлев и надеялись за одно утро привести ее в приемлемый вид. Интересно, они пораньше встали или вообще не ложились? Раздевайся, бери тапочки и иди за мной, только тихо.

Пока Валентина снимала и вешала в стенной шкаф куртку и переобувалась, она успела подумать, что такие уютные планы о горячем душе и вкусном неспешном завтраке, пожалуй, приказали долго жить. Если в квартире идет генеральная уборка, то никакого тихого уюта ни в ванной, ни на кухне не получится.

– Ва-а-ася!!! – донесся откуда-то справа звонкий голос.

– Ну чего?! – ответил солидный басок.

– Ясно, – прошептала Елена на ухо Валентине, – младший моет посуду на кухне, старший пылесосит гостиную. Стало быть, сантехнику драит средний. Вот такой расклад.

– Ва-ась, а сковородку тоже мыть руками?! – надсадно вопрошал звонкий.

– Ногами!!! – басок откровенно грубил.

– Можно, я ее в посудомойку суну?

– Нельзя!!! Обалдел, что ли?! Мать через полчаса приедет, увидит, что машина работает, и все поймет. Давай мой руками, вытирай насухо и ставь в шкаф.

– Вот видишь, – улыбнулась Елена, аккуратно пристра-

ивая пальто и дорожную сумку в шкаф, – сковородку пришлось мыть, значит, они ею пользовались, и, значит, они не голодали, что-то себе готовили. И вообще, грязная посуда – это в моем случае очень хороший признак. Вот если бы грязной посуды не было, можно было бы подумать, что парни три дня грызли чипсы или покупали фастфуд, а это плохо.

– А то, что они моют сантехнику, что означает? – с интересом спросила Валентина.

– Они по крайней мере ночевали дома и хотя бы раз в день умывались и чистили зубы, а это тоже очень неплохой показатель, во всяком случае, для их возраста. Ну, готова? Бери свой чемодан, и пошли, только старайся не шуметь.

Елена взяла ее за руку и повела через просторный холл к лестнице, которую Валентина сперва и не заметила. Оказывается, квартира-то двухэтажная! Они на цыпочках поднялись по ступенькам, прошли по коридору и оказались в еще одном холле, поменьше.

– Ну вот, – Елена толкнула одну из дверей, – здесь ванная, на полке чистые полотенца, но, если хочешь, возьми свои. А вот здесь, – она открыла другую дверь, – кабинет мужа, заходи, переодевайся. Мальчишки сюда не поднимутся, не бойся, у них вся грязь и, соответственно, вся уборка на первом этаже. Сейчас они закончат и разбегутся по своим постелям, будут к моему приезду делать вид, что крепко спят, а квартира так и стояла чистая и убранная все три дня. Плавали, знаем. Мы с тобой как раз пока душ примем.

– Ага, – кивнула Валентина. – Ты иди первая, я подожду.

– Да ты что? – Елена снова рассмеялась. – Это гостевая ванная, пользуйся на здоровье. У меня своя, в нее вход из спальни. Мальчишки сюда тоже не сунутся, они на первом этаже обитают, у них там еще один санузел есть.

И снова Валентина почувствовала себя неловко, словно прилюдно сморозила глупость. И не то чтобы она не бывала в богатых домах или современных больших квартирах, бывала, и еще как бывала, и знала прекрасно, что там бывает и по два, и по три, и даже по четыре санузла, но теперь отчего-то растерялась и не сообразила. Нервы, бессонная ночь – вот голова и отказывает.

Она с удовольствием сняла с себя одежду и белье – все это казалось ей несвежим и противным, достала из чемодана шелковую пижаму и сумочку с туалетными принадлежностями и заперлась в ванной. Через двадцать минут она вышла оттуда бодрая и заметно повеселевшая, с мокрыми волосами и порозовевшим от горячей воды лицом. Поистине чудеса творит с женщинами ощущение чистого тела, чистых волос и чистого белья. Сперва Валентина даже не сообразила, в чем дело, просто почувствовала: что-то не так. И только через секунду поняла, что стало тихо. Больше не гремела музыка, не перекликались голоса, не завывал пылесос и не шумела льющаяся вода. Уборка закончена.

Дверь в спальню Елены была открыта, и Валентина заглянула в комнату. Елена стояла в халате перед зеркалом и нано-

сила на лицо крем. Выглядела она почему-то еще более усталой, чем в поезде, и Валентине стало ужасно жаль ее. Ответственная работа с частыми и внезапными командировками, четверо мужиков, которых надо кормить и постоянно обеспечивать чистыми наглаженными сорочками и футболками, и огромная квартира, которую надо содержать в порядке, – и на все это нужны и силы, и время, а где их взять? Домработницы нет, иначе сыновья не делали бы уборку с утра пораньше.

– Тебе сколько лет? – внезапно спросила Елена, глядя на отражение Валентины в зеркале.

– Тридцать пять, а что?

– Да ничего, смотрю на тебя и понимаю, что я – старуха.

– Да ты что, Лен! – возмутилась Валентина. – Ну какая ты старуха? Сколько тебе?

– Сорок четыре. Да нет, не в цифрах дело. Мы обе ночь не спали, мы ехали в одном и том же поезде в совершенно одинаковых условиях, но ты приняла душ – и как цветочек, а я? Смотреть страшно. Показатель возраста не в годах, а в том, как женщина выглядит и чувствует себя после бессонной ночи. Пока она выглядит и чувствует себя хорошо, она может считаться молодой, а когда уже плохо – тогда старой. Ладно, хватит лирики, пошли вниз. Идем на цыпочках, потом я хлопну входной дверью, сделаем вид, что только-только приехали, и будем завтракать. Пусть парни думают, что их старания не пропали даром и я не догадываюсь о том, ка-

кой бардак они учинили в квартире, пока родителей не было дома. «Не пропадет наш скорбный труд», – с усмешкой добавила Елена.

– И дум высокое стремленье, – подхватила Валентина.

Они спустились, произвели все запланированные манипуляции и принялись в четыре руки готовить завтрак. Елена изучила содержимое холодильника и с удовлетворением констатировала, что запасы продуктов, оставленные ею перед отъездом, заметно поиссякли, то есть дети действительно не голодали и не питались всякой дрянью. Наконец кофе был сварен, сыр нарезан, тосты подсушены, взбитый со сливками омлет пышной массой поднялся под крышкой сковороды, а замешенное на кефире тесто для оладий стояло в сторонке, дожидаясь, пока «проснутся» мальчики. Валентина молча поглощала омлет, все время возвращаясь мыслями к словам Елены. Тридцать пять. Много это или мало? С одной стороны, она как-то привыкла считать себя старой, потому что замуж так и не вышла и вроде бы попадала в категорию «старых дев», но, с другой стороны, в ее жизни были мужчины и страстные романы, и хотя ни один из этих романов свадьбой не увенчался, она так и не утратила веры в то, что самый главный ее мужчина еще впереди и она обязательно его встретит. Так какая она, молодая или старая?

Елена подняла голову, прислушалась и кивнула.

– Васька встал. Молодец, вовремя, ровно половина восьмого.

Валентина, как ни напрягала слух, ничего не услышала, но через пару минут действительно раздались звуки, свидетельствующие о том, что где-то открылась дверь и кто-то в шлепанцах бредет в сторону кухни-столовой. Этот «кто-то», как две капли воды похожий на Елену, только не темно-рыжий, а жгучий брюнет, возник на пороге с всклокоченными волосами, в джинсах и с голым торсом.

– Привет, мам, как съездила?

Валентину он, казалось, не заметил вовсе.

– Съездила отлично. Познакомься, Валечка, это Василий, наш старший сын. Вася, это Валентина Дмитриевна, моя приятельница.

– Ага, – кивнул тот, вероятно заменяя этим коротким словом более длинное «очень приятно, здравствуйте».

– Ну, рассказывай, как вы тут жили, как у вас дела.

– Да все нормально, мам. Сыты, здоровы. Я же тебе вчера вечером по телефону докладывал. За ночь ничего не изменилось. Ладно, я пошел мыться-бриться.

Он без энтузиазма оглядел накрытый стол и удалился. Елена с улыбкой смотрела ему вслед, потом вздохнула:

– Совмещал уборку с поглощением бутербродов.

– Почему ты решила?

– А у него взгляд не голодный. Был бы голодным – уже схватил бы тост с куском сыра и обязательно поинтересовался бы, что ему дадут на завтрак. Что я, сына своего не знаю? Пей кофе, пока не остыл, а я пойду младших поднимать. То

есть я буду делать вид, что пришла их будить, а они будут делать вид, что всю ночь крепко спали и не хотят просыпаться. Театр четырех актеров без единого зрителя.

– Может, я пока начну оладьи жарить? – предложила Валентина. Ей хотелось быть полезной в благодарность за гостеприимство.

– Давай, – согласилась Елена. – Я мальчишек подниму и буду звонить насчет твоего жилья.

Еще через час все проблемы были решены. Сыновья Елены накормлены и отправлены в учебные заведения, волосы высушены, чемодан Валентины вернулся в багажник черного «Мерседеса», а сама Валентина сидела в машине рядом с Еленой, которая сказала, что сперва водитель отвезет хозяйку на работу, а потом доставит гостью вместе с багажом прямо к дому Нины Сергеевны, с радостью согласившейся принять на постой новую жиличку и запросившей совсем мизерную плату.

– Она не для заработка берет жильцов, – объяснила Елена, когда Валентина, услышав сумму оплаты, потеряла дар речи от изумления и радости, – ей мой шеф хорошо платит, да и дети у Нины Сеергеевны состоятельные, огромный дом ей отгрохали, обеспечивают всем необходимым и даже излишним. Ей просто очень одиноко. Дети далеко, сын с женой в Израиле обосновался, дочка с семьей – в Швейцарии, а Нина не может без своих растений. И без людей тоже не может. Поэтому продолжает работать, хотя могла бы пальцем о па-

лец не ударять, она и так до конца жизни обеспечена.

– А разве в Швейцарии нельзя работать садовником? – удивилась Валентина.

– Можно. Но только теоретически. Настоящим садовником ее никто не возьмет, у нее нет ни гражданства, ни права на работу, ни знания языка, а возделывать пятьдесят квадратных метров вокруг дочкиного домика – это для нашей Нины не масштаб. Ей нужен размах, чтобы целый дендрарий, чтобы сады плодоносили, цветы благоухали, и обязательно чтобы что-нибудь трудное вырастить, экзотическое, чтобы ночи не спать, специальную литературу перелопачивать, специальную подкормку изобретать и из доступных препаратов составлять. В общем, она потрясающая. Сама увидишь.

Дифирамбы эти Валентину не особенно впечатлили, она и вообще доверчивостью к похвалам не отличалась, а уж рассказы Елены о женщине, которая имеет все и даже больше и при этом продолжает жить так, как будто у нее ничего нет, показались и вовсе небылицами. Не бывает так. Зато бывает по-другому: дети не удались, но перед знакомыми хочется держать форс и выглядеть успешной, пусть не в профессии, так хотя бы в детях состоялась, вот и потчует женщина всех россказнями о том, что могла бы жить и по-другому, благо детки ей такую возможность предоставили, еще и уговаривают переехать к ним, а она, видите ли, без своей работы и без своего привычного дома не может. А дом-то этот небось

избушка-развалюшка на курьих ножках, соплями подпертая, как приговаривала старенькая прабабушка Валентины, когда рассказывала ей, трехлетней крохе, сказки на ночь.

Однако когда бритоголовый водитель остановил машину перед воротами и вышел, чтобы позвонить в домофон, Валентина засомневалась: то ли он адрес перепутал, то ли она все-таки не права. Ворота невысокие, как и окружающий участок забор, и двухэтажный домик виден ой как хорошо. Деревянный, затейливой конфигурации, очень современный, то есть построенный явно в последнее десятилетие.

Створка ворот отъехала в сторону, водитель загнал машину внутрь и вышел, чтобы достать из багажника чемодан. На крыльце появилась хозяйка, и Валентину вновь обуяли сомнения. Невысокая, худощавая, длинные крепкие ноги обтянуты джинсами, плечи окутаны пуховой малиновой шалью-паутинкой, гладкое моложавое лицо, прямые седые волосы, очки в модной оправе. И эта женщина работает садовником у чужого дяди?! Да ей впору в университете преподавать что-нибудь серьезное с такой-то внешностью, вещать с кафедры или, вооружившись карандашом, править в тиши кабинета при свете настольной лампы чью-нибудь диссертацию. Разумеется, докторскую. «Хотя что это я? – осекла сама себя Валентина и невольно улыбнулась. – Кто будет править докторские диссертации? У соискателей докторской степени нет научных руководителей. Это я, кажется, зарвалась».

От собственных неуместных мыслей она рассмеялась, и

ей в ответ засмеялась Нина Сергеевна.

– Вы – Валя? Здравствуйте, очень рада. Проходите в дом. И ты, Коля, заходи, будем завтракать.

– Да вы не беспокойтесь, – засмущалась Валентина, – меня Лена кормила уже, мы же очень рано приехали, мы успели…

– Понятно, что рано и что успели, – хмыкнула хозяйка. – Только это ваше «рано» очень давно было. Коля, заноси чемодан и иди мой руки, у меня все готово.

Бритоголовый Коля и не думал сопротивляться, а проходя мимо Валентины, едва слышно шепнул:

– Не отказывайтесь. У Нины Сергеевны изумительные пирожные, но она их печет только один раз, в день приезда гостя. Если сегодня не попробуете, то больше шансов не будет.

Войдя внутрь, Валентина окончательно растерялась: дом, выглядевший снаружи компактным и в общем не очень большим, теперь показался ей поистине огромным. Правда, через несколько секунд она сумела мобилизовать навыки пространственного мышления и сообразила, что ощущение простора создается за счет очень высокого потолка и больших окон, но все равно это было не то, что она ожидала, к чему готовилась, и она никак не могла взять в толк, плохо это или хорошо. За проживание в таком доме с нее возьмут сущие копейки? Или дом домом, а для жильцов предназначена душная темная каморка под крышей? Или конура в подвале? Или цена все-таки будет другой? Или есть еще какой-то

подвох?

Она смотрела на красиво накрытый стол, в центре которого красовалось блюдо с домашними пирожными, и чувствовала, как ее начинает трясти от внезапно нахлынувшей тревоги. «Она назвала его Колей и пригласила в дом, а он знает все про ее пирожные. Они давно и хорошо знакомы. Почему? Откуда? Зачем он уговаривает меня непременно их попробовать? Она положила в пирожные какую-то отраву. Они хотят меня убить. Я сказала Лене, что у меня есть деньги, много денег. Это одна шайка, они все сговорились меня ограбить. Дура я, дура! Доверилась первой попавшейся незнакомке, а ведь я про нее ничего не знаю, вообще ничего, я даже адреса ее не знаю – ни улицы, ни номера дома, только номер квартиры. И фамилии ее не знаю. Мало ли что она мне говорила про себя! Работает в крупной фирме, а поди проверь теперь, где она на самом деле работает. Ездит в поездах, высматривает идиоток вроде меня, которые едут в Москву с большими деньгами, предлагает помощь в поисках жилья и отправляет сюда, даже машину с водителем дает, чтобы доставили точно по адресу, а то ведь я могла бы в другое место поехать, поискать другую квартиру. Господи, во что я вляпалась?! Ведь предупреждал же меня Женька, чтобы была осторожнее, что кругом полно ворья, как в воду глядел. И что теперь делать? Извиняться, хватать чемодан и уносить ноги? Да, наверное, так и надо поступить, только очень аккуратно, чтобы они не поняли, что я обо всем догадалась. И

ни в коем случае не есть пирожные. Вообще ничего тут не есть и не пить. Господи, господи, только бы выбраться отсюда живой…»

– Валя!

Валентина и не заметила, что уже сидит за столом и перед ней дымится большая красивая чашка с чаем.

– Что с вами? – встревоженно спрашивала Нина Сергеевна. – Вы меня слышите? Вам плохо? Нужно какое-нибудь лекарство?

– Нет-нет, – торопливо забормотала Валентина, – со мной все в порядке. Просто я задумалась. Извините.

Она взяла себя в руки и попыталась осмысленно взглянуть на происходящее. Коля за обе щеки уписывал пирожные, крякая от удовольствия, и это немного успокоило ее.

– Нина Сергеевна, – он озабоченно взглянул на часы, – я помчался, мне еще по пробкам в самый центр пилить. Сухим пайком дадите?

– Конечно, – улыбнулась хозяйка, – бери, тут всем хватит. Там на полке судочек пластиковый стоит, возьми, упакуй в него.

Валентина тряхнула головой и поморщилась. Боже мой, что это на нее нашло? Наваждение какое-то. Разве может эта милая тетка с внешностью университетского преподавателя оказаться убийцей? А водитель Коля с пластиковым контейнером, набитым пирожными? А Лена, мать троих симпатичных пацанов? Да чушь все это, игра больного воображения.

Просто последние месяцы в голове только одни мысли об убийцах, да еще бессонная ночь в поезде, вот и рождаются в мозгу всякие чудовищные нелепицы.

Она протянула руку, взяла с блюда пирожное, откусила. Вкусно. Нет, правда, очень вкусно, очень-очень. Надо будет попросить у Нины Сергеевны рецепт. Кстати, она-то сама свои пирожные не ест, на ее тарелке только одинокий сырник лежит. Снова в груди шевельнулось беспокойство.

– Очень вкусно, – стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала Валентина. – А вы сами почему не едите?

– Мне нельзя, – хозяйка снова улыбнулась. – У меня строгая диета.

– Неужели худеете? – удивилась Валентина. – По-моему, вы в прекрасной форме.

– Да бог с вами, Валечка. В мои-то годы мне только худеть… У меня язва, колит и еще куча болячек в области ливера. А пирожные и торты я ужасно люблю, всю жизнь любила и всю жизнь их пекла. Думаете, мне легко смотреть на них и не есть? Да я еле сдерживаюсь. Поэтому пеку редко, только по особым случаям. Вот как новый гость заселяется – так и пеку, чтобы было ощущение праздника.

– А что, новый гость – это праздник?

– Ну а как же! Новый человек, со своей историей, со своим характером, со своими причудами, – это же как новая книжка, только лучше, интереснее, глубже. И потом, самую интересную книгу можно прочесть максимум за три дня, а ново-

го человека читаешь и изучаешь столько, сколько он здесь живет. Неделю, месяц, а то и полгода.

– И меня будете изучать?

Почему-то перспектива стать объектом изучения показалась Валентине малопривлекательной, и, похоже, ей не удалось этого скрыть, потому что хозяйка посмотрела на гостью внимательно и как-то слишком строго.

– Обязательно, – кивнула Нина Сергеевна. – Любое сосуществование бок о бок предполагает взаимное изучение и – самое главное – учет результатов наблюдения. Вам Леночка говорила, что я работаю с растениями?

– Говорила.

– Ну так вот, я наблюдаю за растением и делаю выводы о том, что ему нравится, а что нет, на какие факторы оно реагирует положительно, а на какие отрицательно, и исходя из этого строю программу ухода за ним. Если результаты наблюдения учтены и из них сделаны правильные выводы, то растение развивается, цветет и плодоносит, то есть отвечает мне благодарностью. Я смотрю на него, вижу, что оно хорошо себя чувствует и отлично выглядит, и это приносит мне радость и хорошее настроение. А представьте, сколько радости можно испытать, если видишь, что человеку рядом с тобой хорошо.

– Я понимаю, – ответила Валентина, не очень, впрочем, уверенно. – Но как же этот другой человек? Ваш гость… Вы ведь говорите о сосуществовании, правда? Значит, вы жде-

те, что он вас тоже будет изучать и делать какие-то свои выводы, чтобы вам с ним рядом было комфортно. А если он не будет этого делать? Не хочет, например, или не умеет, или не считает нужным. Может, ему это совсем неинтересно. Тогда как?

– Никак, – Нина Сергеевна пожала плечами, – я ни от кого не требую жить так, как живу я сама, и ни от кого этого не жду. Мне не нужно, чтобы окружающие подлаживались под мои особенности, мне вполне достаточно той радости, которую мне приносит осознание того, что другому человеку рядом со мной хорошо. Вот и все. Видите ли, Валечка, есть два вида радости, или два вида счастья, если вам так понятнее. Есть счастье, которое вам приносят извне, и счастье, которое вы извлекаете сами. Глупо ждать, что вам что-то принесут, и еще глупее требовать этого и обижаться, если не несут, вы согласны? Гораздо проще и продуктивнее найти способ извлечь радость собственными усилиями. Но еще глупее, – она встала и обеими руками затянула спереди спадающую с плеч шаль, – пичкать такими разговорами малознакомого человека, только-только переступившего твой порог, вместо того чтобы показать ему комнату и дать возможность помыться и отдохнуть с дороги. Коля, что ты там возишься?

Бритоголовый водитель, утащивший блюдо с пирожными на кухонный рабочий стол, теперь стоял спиной к дамам и усиленно пыхтел, хотя укладка пирожных в судочек была задачей не особо сложной и высокой квалификации не требо-

вала.

– Да я уже пятый раз их перекладываю, – жалобно пробасил он, – а они все равно лежат как-то… неуверенно. Машину чуть тряхнет – и они выпадут. Я их хочу поплотнее уложить, а они мнутся.

Нина Сергеевна подошла к нему, взглянула и хмыкнула:

– А крышкой закрыть не пробовал?

– Крышкой? – оторопело переспросил Коля.

– Крышкой, крышкой. Вот этой. Она у тебя перед самым носом.

– Тьфу, придурок, – сердито оценил водитель собственные способности. – Нина Сергеевна, я много взял. Ничего?

Нина Сергеевна вопросительно взглянула на Валентину:

– Как, Валя, ничего? Или пусть половину вернет? – с улыбкой спросила она. – Мне все равно жирного нельзя, поэтому ориентируемся только на вас. Осталось пять штук. Хватит или добавить?

– Хватит, хватит, – замахала руками Валентина. – Даже много.

Пять пирожных! Она и так уже три штуки слопала, теперь будет три дня казниться и без конца проверять, не стал ли пояс брюк туже, не впивается ли он в живот. У нее никогда не было лишнего веса, и всю жизнь Валентина ела что хотела, сколько хотела и когда хотела, но откуда-то в ее голове появилось непоколебимое убеждение, что если ей суждено растолстеть, то только от сладкого, поэтому она лихорадочно

учитывала в уме каждую конфетку и каждый кусочек торта, отказаться от которых у нее не хватало силы воли, и после полученного удовольствия начинала корить себя и с ужасом ждала, что вот теперь-то, вот именно от этого кусочка или от этой конфетки на ней немедленно и неотвратимо нарастет тонна жира. Тонна не нарастала, и Валентина делала не вполне логичный, но, на ее взгляд, вполне убедительный вывод о том, что в этот раз ей просто повезло, а на следующий раз катастрофа непременно случится. Мысль о том, что у нее отличный обмен, которому не страшны никакие десерты, ей в голову отчего-то не приходила вообще.

Они проводили Колю, и хозяйка начала знакомить Валентину с домом. На первом этаже кухня, плавно переходящая в гостиную, и спальня с санузлом – владения Нины Сергеевны. На втором этаже четыре комнаты и два санузла.

– И вы все четыре комнаты сдаете? – поинтересовалась Валентина.

– Нет, только три. Вот здесь, – Нина Сергеевна указала рукой на дверь рядом с лестницей, – у меня лаборатория. Я с удобрениями и пестицидами колдую. А из оставшихся трех можете выбирать себе любую, какая больше понравится.

Валентина выбрала комнату с окнами на север. Конечно, здесь не будет утреннего солнышка, под лучами которого так легко и сладко бывает просыпаться, но зато и не будет жарко, если лето окажется знойным. Неизвестно ведь, сколько времени ей придется оставаться в этом доме, а лето – вот оно,

уже конец апреля, еще чуть-чуть – и станет совсем тепло. Пока отец не заболел, она много ездила по командировкам и давно научилась выбирать комнаты в гостиницах, сообразуясь с временем года и местными климатическими особенностями.

– Вы с техникой как, дружите? – спросила хозяйка.

– Вполне. Я кандидат технических наук.

– Тогда сами разберетесь, а мне пора бежать, сейчас в саду много работы. Вот вам ключи, пойдемте, я вам быстренько покажу замки, сигнализацию и домофон и помчусь.

Через десять минут Валентина осталась одна. Ей захотелось детально осмотреть дом, интересно было, где тут что и вообще как все устроено, все-таки жить здесь придется, только сперва надо бы чемодан разобрать, вещи разложить. С таким планом в голове она поднялась наверх, в свою комнату, однако стоило ей все разложить и расставить по местам и засунуть опустевший чемодан в шкаф, на нее навалилась страшная усталость. Все-таки ночь без сна, и волнения всякие, пусть и глупые, беспочвенные, но ведь и они силы забирают. Она скользнула под одеяло и начала проваливаться в забытье, но в последний момент усилием воли выдернула себя на поверхность бодрствования: надо позвонить брату, он ведь беспокоится, как она доехала, как устроилась. Евгений сказал, что его московский приятель обещал помочь с поиском детективного агентства. Этот приятель сам перезвонит Валентине, как только что-нибудь выяснит. Вот теперь мож-

но засыпать.

* * *

Вечером вернувшаяся с работы Нина Сергеевна определила для Валентины порядок пользования кухней.

– Для себя я готовлю такое, что ты есть не сможешь, – весело сообщила она, – все протертое, неострое, несоленое и вообще для здорового человека невкусное. Так что у нас есть три варианта: либо ты готовишь себе сама, либо питаешься на стороне, либо, если хочешь, я буду для тебя готовить отдельно, только ты заранее скажи, что ты хочешь.

На стороне! Еще чего. Деньги надо беречь, мало ли как сложится. Затруднять работающую Нину Сергеевну неловко, да и не стоит, за ее услуги ведь придется, наверное, доплачивать.

– Вы не беспокойтесь, – торопливо ответила Валентина, – я сама буду продукты покупать и готовить для себя.

– Ну смотри, – хозяйка пожала плечами, – делай, как тебе удобнее. Посуду бери любую, кухонной техникой пользуйся, не стесняйся, запретов никаких нет.

– Спасибо. Только вы мне покажите вашу любимую посуду. Ну, чашку там, мисочку, которыми вы всегда пользуетесь. Чтобы я по неведению ее не схватила.

Нина Сергеевна бросила на Валентину острый взгляд и одобрительно кивнула.

– Вот из этой чашки, – она достала из шкафчика и повертела в руках высокий бокал со стилизованным изображением двух разноцветных кошек, – я пью чай. Всегда. Из других чашек мне пить невкусно. А вот из этой, с орхидеями, – кофе.

– Кофе? – удивилась Валентина. – А разве вам можно кофе?

– Нельзя, – рассмеялась хозяйка, – конечно, нельзя. Но я все равно пью. Ровно две чашки в день, одну рано утром, когда только встаю, а вторую – перед уходом на работу. Это единственное отступление от диеты, которое я себе позволяю. Вот в этой кастрюльке я каждое утро варю себе кашу и ужасно злюсь, если вдруг она оказывается занята. Давай, Валюша, поужинаем и пойдем пройдемся по поселку, покажу тебе, где у нас тут магазины, химчистка, как до электрички дойти и все прочее.

– Да я продукты не покупала… – растерялась Валентина.

Неужели придется вместе с Ниной есть «протертое и несоленое»? Кошмар. Правда, от утренней трапезы остались пирожные, кажется, целых пять, но вкупе с уже съеденными тремя это выходило уж слишком. Впрочем, там, кажется, были еще сырники и какой-то салатик. Валентина так крепко уснула, что проспала до самого возвращения хозяйки и о собственном пропитании позаботиться как-то не успела.

– Да уж я понимаю, – в тон ей насмешливо протянула Нина Сергеевна, – но я уже говорила, что день приезда нового

жильца – это для меня праздник, а по случаю праздника полагается готовить угощение. Так что сегодня ты – мой гость, а дальше сама решай.

Выспавшаяся и отдохнувшая Валентина не сумела справиться с аппетитом, хотя и давала себе слово после утренних пирожных устроить разгрузку, да еще и готовила Нина Сергеевна, как назло, вкусно-превкусно. Глядя на стоящую перед хозяйкой тарелку с вареной рыбой и бледными тушеными кабачками, Валентина пыталась представить себе, как это, наверное, противно, и от души сочувствовала женщине, отягощенной целым букетом «ливерных» болячек.

Прогулка Валентину несказанно удивила: она отчетливо помнила, что, когда утром машина свернула с трассы на однополосную заасфальтированную дорогу, ехать до дома Нины Сергеевны пришлось довольно-таки прилично, минуты четыре, не меньше, а теперь, ножками, они оказались у пешеходного перехода через шоссе как-то неожиданно быстро.

– Так мы в другую сторону пошли, – со смехом пояснила хозяйка, – здесь одностороннее движение и с короткой стороны въезда нет, только выезд. От въезда далеко, зато от выезда близко. Вот смотри, машина въезжала во-он там, под мостом, видишь?

Валентина послушно кивнула.

– А выезжает здесь, как раз рядом с переходом через трассу. Значит, запоминай: магазины подороже находятся на той стороне, там цены выше, но зато все есть: и продукты, и бы-

товая химия, и одежда, и спорттовары, и все прочее. Если хочешь сэкономить и делать покупки подешевле, садишься на автобус и проезжаешь ровно одну остановку, там поселок попроще и магазины соответствующие, выбор, конечно, намного скромнее, но и цены помягче. Торговый центр на той стороне круглосуточный, в поселке магазины работают в обычном режиме, с восьми утра до восьми вечера, как в старые времена.

Слушая инструктаж, Валентина про себя решила, что, уж конечно, в дорогой торговый центр она ни за что ходить не станет, в еде она непривередлива, а деньги надо экономить.

– А вы далеко отсюда работаете? – спросила она Нину.

– На той стороне, – Нина Сергеевна махнула рукой в сторону отвергнутого Валентиной торгового рая, – там элитный поселок. Хочешь, пройдемся туда? Покажу тебе свой трудовой фронт.

Почему же не пройтись? Гулять Валентина всегда любила, да и любопытно.

Она почему-то была уверена, что вот они пересекут трассу, обогнут огромное здание торгового центра и сразу же окажутся на месте, но они уже минут двадцать шли и шли вдоль роскошных особняков за высокими заборами, а «трудового фронта» что-то не видать.

– Как далеко, – удивленно произнесла Валентина. – Я думала, это ближе.

– А что, устала?

– Нет, только удивляюсь: неужели вы каждый день в такую даль пешком ходите? Не устаете?

– Почему ты решила, что пешком? – расхохоталась Нина Сергеевна. – Я на машине езжу. Ну ладно, когда я вернулась, ты спала, но уезжала-то я сегодня у тебя на глазах. И ты, между прочим, стояла на крыльце и смотрела мне вслед. Красная «Хонда». Ну, вспомнила?

Валентина сперва опешила, потом невольно залилась краской. Да, есть у нее такая дурацкая особенность: всецело погружаться в свои мысли, причем настолько глубоко, что окружающий мир вообще перестает существовать. В такие минуты Валентина ничего не видит, не слышит и даже не чувствует, а потом страшно удивляется, когда выясняется, что именно в эти самые минуты что-нибудь произошло, а она и не помнит…

– Нет, не вспомнила, – честно призналась она. – Я, наверное, задумалась и все пропустила. Со мной так бывает. Извините.

Она ждала, что сейчас Нина Сергеевна заохает, заахает, всплеснет руками и разразится длинной тирадой насчет того, как это опасно – быть такой невнимательной, ведь эдак можно и в неприятности влипнуть, и под машину угодить, и вора не заметить, но Нина вопреки ожиданиям только молча кивнула, а через несколько секунд заговорила о чем-то совершенно постороннем. Наверное, на своем веку она повидала людей еще и не с такими странностями.

Наконец они остановились перед кирпичным забором с глухими металлическими воротами и расположенной рядом дверью со звонком домофона.

– Вот здесь я и работаю, – Нина Сергеевна нажала кнопку домофона. – Сейчас сама все увидишь. Костик, открой, пожалуйста.

Через пару секунд дверь распахнулась, и Валентина увидела рослого плечистого парня в темно-синей форме охранника.

– Что случилось, тетя Нина? – обеспокоенно спросил он. – Вы же вроде совсем ушли.

– Я свою гостью на экскурсию привела. Познакомьтесь, это Костя, охранник, а это Валечка.

– Здрасть, – буркнул Костя. Он уже успел опытным взглядом неженатого мужика оглядеть Валентину и оценить ситуацию как не представляющую интереса (дамочка старовата, пожалуй), а потому решил не тратить попусту силы на любезности. Разумеется, ему, двадцатидвухлетнему, Валентина в свои тридцать пять, несмотря на безусловную привлекательность, показалась окончательной и безоговорочной старухой.

Валентина уже через минуту пожалела, что согласилась прийти сюда. Ну что интересного можно увидеть в апреле? Листочки только-только начали проклевываться, да и то не на всех деревьях и кустарниках, а о цветах и говорить нечего, кроме крокусов, ничего нет. Да и вообще, неуютно ей как-то,

богатый дом, не дом даже, а особняк, почти дворец, три этажа, башенки какие-то, эркеры, каменные лестницы, да еще отдельно стоящий флигель, небось дом для прислуги или гостевой. Наверное, хозяева – очень богатые люди, а богатые люди, как хорошо было известно Валентине, не любят, когда обслуга приводит в дом собственных гостей. И это еще мягко сказано, что не любят. Просто категорически запрещают, а за нарушение запрета могут и уволить. Вот сейчас выйдет им навстречу, к примеру, хозяйка да как начнет орать на Нину, ну в лучшем случае – строго выговаривать, и всем станет неловко, и у Нины Сергеевны будут проблемы. К чему все это? Надо побыстрее убираться отсюда. Валентина вжала голову в плечи и постаралась стать как можно незаметнее. Нина же Сергеевна, казалось, ни малейшего беспокойства не испытывала, уверенно шагала по участку, который оказался и впрямь немаленьким, и, показывая на невзрачные и ничем, на взгляд Валентины, не отличающиеся друг от друга деревца, кустики и росточки, сыпала знакомыми и незнакомыми названиями и увлеченно рассказывала, как это все будет выглядеть летом и что еще и где именно она планирует посадить.

– Ты чего такая напряженная? – внезапно спросила она, даже не глядя на Валентину. – Что-то не нравится? Или скучно стало?

Надо же! Валентина была уверена, что идущая впереди Нина Сергеевна никак не может заметить ее нервозность.

Локаторы у нее, что ли, на затылке?

– Нет, не скучно. Просто я нервничаю. Наверное, вам нельзя посторонних сюда приводить. Я иду и все время жду, что нас кто-нибудь заметит и будет скандал. Очень не хотелось бы.

– Ерунда, – по-прежнему не оглядываясь, ответила Нина Сергеевна, – даже в голову не бери. Я достаточно долго живу на свете, чтобы научиться не делать того, чего делать нельзя. Если я тебя привела сюда, значит, мне это разрешают. Максим Витальевич – хороший мужик, без фанаберии, он, между прочим, страшно гордится тем, что у него садовник – доктор наук, и радуется, как ребенок, когда владельцы соседних домов просят, чтобы я с их садовниками провела мастер-класс. Ко мне сюда постоянно кто-то приходит, это нормально.

Валентина обомлела.

– Вы – доктор наук?

– А тебе Лена не сказала? Доктор, доктор. По нынешним временам докторам наук самое место в садовниках у бизнесменов, – усмехнулась Нина Сергеевна. – Еще спасибо, что не посудомойка и не уборщица. Если бы я осталась на кафедре в Тимирязевке, пришлось бы ездить по два часа в один конец за зарплату, которая в пять раз меньше, чем мне здесь платят. И при этом, с учетом моего возраста, каждый день дрожать, что вежливо попросят на пенсию. А то и невежливо. Вот здесь у меня свободное место, хорошее, полутень,

сюда в конце мая я вынесу растения из оранжереи, пусть все лето воздухом дышат и пользуются естественной влагой. К дереву поближе устрою шефлеру, она у меня огромная вымахала, ей нужна опора, а вокруг поставлю юкку и драцены, у меня их шесть штук, все разные и все взрослые, от полутора до двух метров высотой. Представляешь, как будет красиво?

Значит, на Нине Сергеевне не только участок, но и оранжерея. Ничего себе «фронт работ»! Как же она, бедная, справляется? Нет, подумать только, доктор наук! Валентина вспомнила свое первое впечатление о хозяйке и улыбнулась. Недаром, стало быть, ей привиделась Нина Сергеевна за чтением и правкой научного труда. Это еще более удивительно, так как интуиция никогда не была в списке сильных сторон Валентины Евтеевой.

Экскурсия, включающая не только путешествие по участку, но и осмотр оранжереи с подробными комментариями, заняла почти час. Валентина постепенно перестала нервничать и даже немного расслабилась.

– А что, хозяев сейчас нет дома? – спросила она, когда Нина Сергеевна повела ее к выходу.

– Почему же? Полна коробочка. Все на месте. Удивляешься, что мы за целый час ни с кем не столкнулись?

– Ну да, – кивнула Валентина.

– Это нормально. На улице еще холодно, чего им тут вечером делать? А в оранжерею они вообще никогда по вечерам не приходят. Дочке их здесь скучно, она растениями не

интересуется, а взрослые в это время ужинают и перед телевизором торчат, если вообще находятся дома, а не в гостях и не на мероприятиях. Ты как, устала?

– Нет, что вы, я люблю пешком ходить и долго не устаю.

– А я вот что-то подустала, – вздохнула Нина Сергеевна. – Целый день на ногах.

Она посмотрела на часы.

– О, как раз сейчас Костик сменяется, он нас и отвезет.

Валентина снова напряглась, на этот раз от злости на саму себя. Ну как же она не сообразила! Ведь Нина действительно весь рабочий день провела на ногах, и экскурсию эту она предложила просто из вежливости, и надо было сразу отказаться, а Валентина, дура любопытная, любительница пеших прогулок, с радостью согласилась, потащила уставшую немолодую женщину в такую даль. Хотя ведь как откажешься, когда человек предлагает тебе показать предмет своей гордости – свою работу? Тоже вроде бы невежливо получается.

Так и промучилась она своими горестными мыслями до самого дома, а потом корила себя за то, что опять ничего не заметила – ни природы, ни деревьев, ни птичек, чирикающих на ветках. Даже какие машины мимо них проезжали – и то не могла бы сказать, да и не помнила, были ли они вообще, машины эти. Может, и не было. И какие деревья росли вдоль дороги, и какие люди попадались им навстречу, и мимо каких домов они проходили – все, все проскочило мимо сознания Валентины, ничего не видела она вокруг, когда

задумывалась.

* * *

– Ну как там у тебя, Геля? Скоро?

Вилен Викторович Сорокин заглянул в кухню, где его жена Ангелина Михайловна колдовала возле плиты, от которой по маленькой однокомнатной квартирке разносились запахи одновременно ванили и чеснока. Вилен Викторович с трудом удержался, чтобы не наморщить нос в брезгливой гримасе: он терпеть не мог чеснок и считал, что приличные люди ни за что не станут его есть, если им предстоит с кем-нибудь общаться. Ни чеснок, ни лук. Это просто моветон какой-то. Однако ничего не поделаешь, назвался груздем – полезай… и так далее. Ох, как ему это надоело! Притворяться, угождать, терпеть… Но ничего не попишешь, дело есть дело.

Ангелина Михайловна повернулась к мужу с виноватой улыбкой.

– Еще минут десять, Виленька, и можно будет идти. Потерпи, мой хороший.

– Как ты думаешь, Люся дома? – задал он новый вопрос.

– Да откуда же, Вилюня? Сегодня пятница, она должна быть на работе. И потом, по пятницам Люся обычно после работы ездит к Мариночке, надо помочь ей купить продукты и наготовить еды на все выходные. Нет, раньше десяти вечера ее дома точно не будет. А что? Она тебе нужна?

– Ну, с ней как-то повеселее, она про детей и внуков рассказывает, а нам с тобой это на руку, сама понимаешь. Про больных тоже что-нибудь смешное расскажет. А с этим солдафоном никакого разговора, про детей и внуков ему неинтересно, а про футбол, хоккей и шашлыки на природе неинтересно мне. Нам с тобой, – поправился он торопливо, но и этой маленькой проговорки оказалось достаточно, чтобы Ангелина Михайловна мгновенно напряглась.

Они были странной парой, во всяком случае, именно так считали когда-то их однокурсники и друзья. Ангелина и Вилен учились в институте культуры, он – первый красавец на курсе, где основным контингентом были все-таки девушки, а парней раз, два – и обчелся, и на его внимание претендовали все сокурсницы без исключения. Высоченный, стройный, с породистым, как у актера Николая Черкасова, лицом, выразительными четко очерченными губами, красивыми кистями рук и потрясающим низким глубоким голосом, которым он исполнял песни и романсы, аккомпанируя себе на рояле или гитаре, Вилен всегда был центром притяжения и душой компании. Геля же, маленькая, худенькая, совсем, ну просто совсем некрасивая, с маленькими светлыми глазками и откровенно плохой фигурой, была самой незаметной на курсе, с ней не считались, ее не приглашали на посиделки и девичники, за ней не ухаживали юноши, а девушки не выбирали ее в задушевные подруги и не делились секретами. Геля была никакая. Хотя педагоги этого мнения не разделяли и

с воодушевлением ставили ей отличные оценки, потому что Ангелина Ступак знала много, хорошо в этом разбиралась и училась с удовольствием. Каково же было изумление студентов, когда примерно в середине второго курса Вилен Сорокин вдруг заметил Гелю и с того момента больше ни на кого не смотрел! Все были уверены, что это просто мимолетный каприз, «шутка гения» и Вилен бросит серую мышку Гелю Ступак максимум через три-четыре недели, а то и раньше, даже пари заключали на сроки продолжительности их внезапного романа. Однако проиграли все, потому что никто не ставил на тот единственный результат, который в итоге получился: на третьем курсе Вилен Сорокин и Ангелина Ступак поженились.

С тех пор прошло полвека, даже чуть больше, сейчас им обоим по семьдесят два, и они до сих пор вместе. И если Вилен Викторович считает, что так и должно быть, то Ангелина Михайловна все еще влюблена в своего мужа и исступленно боится, что он ее бросит. Ведь он по-прежнему очень хорош собой, тонкое лицо стало только красивее в обрамлении седых волос, да и стати своей он не утратил, остается высоким и стройным, без единого грамма лишнего жирка на боках и животе, а уж его потрясающие руки… А его глубокий голос… Все пятьдесят лет Ангелина только и делала, что следила, не обратил ли ее ненаглядный внимание на какую-нибудь другую женщину, не бросил ли на кого-то заинтересованный взгляд, не говорит ли о ком-нибудь чаще, чем это

приличествует женатому мужчине. Вот и соседка Люсенька, Людмила Леонидовна Гусарова, стала для Ангелины Михайловны очередным поводом для ревности. И хотя умом-то Ангелина понимает, что общение с Люсей и ее мужем Львом Сергеевичем – это для дела, это так надо, но вся ее женская сущность противится каждому контакту Виленьки с красивой элегантной соседкой. В родном Новосибирске среди их знакомых не было таких женщин, как Людмила Леонидовна. И так сильно Ангелина Михайловна еще никогда не ревновала.

Вопрос о соседке заставил ее бросить плиту и выйти в прихожую, чтобы в очередной раз осмотреть себя в зеркале. Конечно, сейчас она уже совсем не такая, какой была в институте, когда перебивалась на одну стипендию и те крохи, которые присылали из маленького провинциального городка родители. Да и в женской привлекательности в те годы Геля мало что понимала. Теперь она выглядит ухоженной, потому что тщательно следит за собой, вовремя красит волосы, чтобы спрятать седину под своим «родным» темно-русым цветом, стрижется и делает прическу, и глаза научилась подводить и оттенять таким образом, чтобы они казались больше и выразительнее, хотя теперь, когда веки стали морщинистыми, это стало проблематичным, но Ангелина все равно старается, и одевается она хорошо, к лицу, и дефекты фигуры умело скрывает. Но все равно до Люси Гусаровой, которой всего шестьдесят пять, ей далеко. И от этого щемит сердце, и

каждое проявление интереса к соседке со стороны мужа раскаленным прутом впивается в грудь Ангелины Михайловны Сорокиной.

– Все, Виленька, можешь звонить, – сообщила она мужу, вытаскивая из духовки противень.

Вилен Викторович вздохнул и потянулся к телефонной трубке.

– Лев Сергеевич? Приветствую. Выручайте, дорогой мой, – загудел он, – Геля снова напекла на маланьину свадьбу, без вашей помощи нам не обойтись… Да, ваши любимые, с чесноком и копчеными колбасками. И ванильные булочки, они вашей супруге очень нравятся, так что вы уж не бросайте нас в беде, разделите с нами… На работе? Ох, как жаль! Ну ничего, Людмила Леонидовна вечером придет и чайку попьет с Гелиными булочками… Пиво? Да у нас… Ах, у вас есть? Ну что ж, тем лучше. Вас понял, господин полковник, сию минуту прибудем.

Положив трубку, он еще несколько мгновений задумчиво смотрел в окно, потом повернулся к вышедшей из кухни жене.

– Ждет. Пиво достает из холодильника. Ну что, пойдем? Господи, как мне осточертело это пиво!

– Виля, ну что ты… Ты как маленький. Это ведь не просто так, это для дела нужно.

– Да я понимаю, – снова вздохнул Сорокин. – Идем.

Ангелина Михайловна приосанилась, дала мужу в руки

блюдо с чесночно-колбасными булочками, взяла серебряную корзинку с горой ванильных плюшек, и они отправились в квартиру Гусаровых, которые жили на одной лестничной площадке с ними. Они еще не успели нажать на кнопку звонка, как услышали неровный звук шагов соседа – после ранения в Чечне Лев Сергеевич заметно хромал, из-за этого и вышел в отставку.

– Прошу, прошу, дорогие соседи, – радостно заговорил Гусаров. – Пиво ждет, стол накрыт.

Все покатилось по накатанной дорожке, как бывало всегда. Сорокины жили в этом доме уже несколько месяцев, с Гусаровыми познакомились сразу же, в первый же день, и с той поры стали постоянными гостями в их трехкомнатной квартире. Людмила Леонидовна, врач-пульмонолог, много работала, вела прием в поликлинике и консультировала еще в нескольких местах, и кроме того, активно помогала взрослым детям – сыну Леониду, растившему вместе с женой маленького сынишку, и дочери Марине, которая осталась без мужа, но зато с тремя детьми. Лев Сергеевич из-за хромоты редко выходил из дому и был искренне рад новым соседям, которые с видимым удовольствием проводили с ним время. Да еще и подкармливали такой вкуснятиной, какой супруга отставного полковника не баловала, и не потому вовсе, что была плохой кулинаркой, просто времени у нее на такие изыски не было. Работа, дети, внуки…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.